

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 930.23+321.72+321.64

Ю.В. Куперт, А.В. Луценко

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? (ОПЫТ ТЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ). ЧАСТЬ II

Проводится анализ ключевых характеристик современного западного общества, основанного на организационных принципах рыночной экономики, политической демократии и либеральной идеологии; устанавливается влияние этих организационных принципов на стабильность социальной системы; характеризуются основные возможности альтернативной системы общественных отношений, базирующейся на принципах «экономики жизнеобеспечения», авторитарной политики и идеологии коллективизма. В основу исследования положены закономерности всеобщей организационной науки тектологии А.А. Богданова.
Ключевые слова: тектология; рынок; демократия; либерализм; жизнеобеспечение; авторитаризм; коллективизм.

3. Какой путь развития человечества можно считать подлинно магистральным?

Отмеченные в предшествующей главе тектологические особенности триады «рынок – демократия – либерализм» позволяют сформулировать следующий вопрос: *насколько справедливо мнение политиков и философов, провозглашающих эту систему магистральным путем развития человечества? Действительно ли триада «рынок – демократия – либерализм» является вершиной развития цивилизации и не имеет реальных альтернатив?*

Френсис Фукуяма, одним из первых сформулировавший версию безальтернативности триады, доказывал свою позицию следующим образом: если в 1790 г. в мире существовало лишь три демократических государства с рыночной экономикой и либеральной идеологией, то двести лет спустя таких государств было уже 61 [1. С. 93–94]. Естественно, американский учёный приводит и список этих государств, включающий США, Швейцарию, Францию, Великобританию, Бельгию, Нидерланды, Канаду, Данию, Италию, Швецию, Грецию, Новую Зеландию, Чили, Аргентину, Норвегию, Австрию, Германию, Польшу, Чехословакию, Эстонию, Финляндию, Австралию, Уругвай, Колумбию, Коста-Рику, Мексику, Турцию, Бразилию, Боливию, Венесуэлу, Перу, Эквадор, Сальвадор, Японию, Индию, Шри-Ланку, Филиппины, Израиль, Ливан, Ямайку, Тринидад-и-Тобаго, Сингапур, Сенегал, Испанию, Португалию, Латвию, Литву, Парагвай, Никарагуа, Гондурас, Доминиканскую Республику, Южную Корею, Таиланд, Маврикий, Ботсвану, Намибию и Папуа – Новую Гвинею [1. С. 93–94].

Такие страны с давними демократическими традициями, как Республика Андорра, Великое Герцогство Люксембург, княжество Лихтенштейн и княжество Монако, не были включены Фукуямой в список на том основании, что их государственный строй не опреде-

лялся в конституциях как «либерально-демократический», но даже при таком формальном подходе подсчёт распространения триады «рынок – демократия – либерализм» «по флагам» выглядит внушительно. Гораздо менее внушительно он будет выглядеть, если просто просуммировать численность населения упомянутых стран и сравнить его с общим числом жителей Земли: даже присутствие Индии в списке Фукуямы не доводит долю населения либерально-демократических государств до $\frac{1}{3}$ населения планеты – общее количество жителей «либеральных демократий» в настоящее время составляет менее 2 млрд человек. Если же учесть, что декларируемые в конституциях либерально-демократические принципы слабо связаны с реальной экономической системой и культурой социального сотрудничества, которые существуют в вышеперечисленных странах (особенно это характерно для Индии, подавляющее большинство населения которой продолжает жить в крестьянских общинах, относительно слабо интегрированных в рынок и подчинённых патриархально-авторитарным организационным принципам), то доля «либеральных демократий» в общем населении планеты составит *явное меньшинство* и не превысит 15% от общей численности жителей Земли.

В этих условиях провозглашать триаду «рынок – демократия – либерализм» магистральным путём развития человечества, по меньшей мере, ошибочно: даже по словарям понятие «магистраль» означает «главную, основную линию по отношению к отходящим от неё второстепенным» (проверено по словарям Т.Ф. Ефремовой и С.И. Ожегова. – *А.Л.*). Подобное толкование неизбежно предполагает одно из двух: либо все существующие формы социального сотрудничества должны в исторической перспективе слиться воедино в триаде «рынок – демократия – либерализм» (версия Ф. Фукуямы), либо все эти формы являются лишь производными от триады, «отступлениями» от неё, многообразно варьирующимися вследствие случайных исторических

факторов (версия К. Поппера). Но так ли это в действительности?

Если рассмотреть первую версию – концепцию слияния всех форм социального сотрудничества, сведения их к единому стандарту, то даже простой статистический анализ современного состояния человечества показывает, что перспектива превращения триады «рынок – демократия – либерализм» в подлинно магистральный путь развития цивилизации столь же удалена от нас, как и «сияющие вершины коммунизма» советской идеологической пропаганды: ведь даже в Индии, которую Фукуяма ничтоже сумняшеся зачисляет в «либерально-демократические» страны, господствующей формой организации сотрудничества людей и государственной власти является вовсе не демократия, но нечто совершенно ей противоположное, а именно *авторитаризм*, представляющий собой подлинный фундамент и общинной организации (жизненно необходимой формы сотрудничества и крестьян, и городских ремесленников), и кастового строя (до сих пор определяющего систему общественных отношений в Индии), и традиционных индийских религий (следует помнить, что любая религия авторитарна, и чем она старше, тем больше в ней разнообразных ритуальных норм, регулирующих жизнь верующего *строго авторитарным образом*); если же говорить о других странах Азии и Африки, то в них авторитарная система отношений господствует ещё более прямо и явно. Фукуяма и его последователи просто закрывают глаза на этот феномен, заранее записывая его в число «пережитков прошлого», от которых человечество уже готово избавиться и которые сохраняются лишь злой волей политиков, сознательно сопротивляющихся всему светлomu и прогрессивному.

Аналогичным образом строится аргументация сторонников концепции К. Поппера, согласно которой триада «рынок – демократия – либерализм» определяется как совокупность характеристик «открытого общества» – единственной социальной системы, способной к динамическому развитию в условиях свободной конкуренции, поскольку в рамках этой системы «люди (в значительной степени) научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта» [2. Т. 1. С. 251]. Любое отступление от стандартов «открытого общества» рассматривается данной школой как явный или скрытый тоталитаризм, враждебный не только свободе, но и самой природе человека. Ответственными за тоталитаризм опять-таки выступают отдельные властвующие группы, в силу своего «коллективного эгоизма» насильственно ограничивающие свободу всех. Преодоление тоталитаризма и возвращение социальной системы на магистральный путь «либерально-рыночного демократического капитализма» Поппер и его последователи видят в отстранении таких групп от власти и осуществлении программы «гуманных преобразований», в которую входят:

«1. Укрепление свободы и осознание вытекающей из нее ответственности. Мы надеемся достичь максимальной личной свободы. Однако это возможно лишь в цивилизованном обществе, то есть в обществе, которое целиком разделяет идею ненасилия. Отличительной чертой цивилизованного общества является то, что оно постоянно занято поиском мирного, ненасильственного решения стоящих перед ним проблем.

2. Мир во всем мире. В связи с изобретением атомных бомб и боеголовок все цивилизованные общества должны сотрудничать в поддержании мира и тщательно следить за нераспространением ядерного и термоядерного оружия. Это действительно наша первейшая обязанность, ведь иначе исчезнет цивилизация, а вслед за ней и все человечество. (Эту простую истину иногда называют доктриной идеологического империализма Запада. Звучит умно, но совершенно не к месту.)

3. Борьба с бедностью. Благодаря развитой технике мир, по крайней мере потенциально, достаточно богат, чтобы устранить бедность, а также свести безработицу к минимуму. Экономисты поняли, что устранить безработицу совсем не просто – и это на самом деле так. Поэтому они довольно неожиданно (примерно в 1965 г.) перестали считать ее ликвидацию одной из своих основных целей. Эта проблема внезапно как бы вышла из моды, и многие экономисты ведут себя так, как будто доказана ее неразрешимость. На самом же деле существует (и не одно) доказательство разрешимости проблемы безработицы, хотя при ее решении будет, пожалуй, очень трудно избежать некоторого вмешательства в механизм свободного рынка. Мы, однако, вмешиваемся в него постоянно и, возможно, чаще, чем это необходимо. Эта проблема требует немедленного решения, и то, что она сейчас не в моде, – позор для нас. Если экономисты не могут предложить ничего лучшего, то следует просто организовать необходимые общественные работы в частном секторе – такие как строительство дорог, школ, подготовка учителей и т.д., причем по мере возрастания безработицы в периоды экономического спада эти работы в целях осуществления антициклической политики следует существенно интенсифицировать.

4. Борьба с демографическим взрывом. Сейчас, после изобретения противозачаточных средств, а также других методов контроля за рождаемостью, биохимическая технология достигла такого состояния, когда обучение методам демографического контроля должно стать доступным людям во всем мире. Утверждение, что демографический контроль – часть империалистической политики Запада, можно будет опровергнуть тогда, когда открытые общества начнут работать над снижением своего – и без того сокращающегося – населения. <...> Кроме того, из гуманных соображений мы должны стремиться к тому, чтобы рождались только желанные дети, поскольку жестоко давать жизнь нежеланному ребенку, который может стать жертвой физического или морального насилия.

5. Обучение ненасилию. Я давно придерживаюсь мнения (хотя, возможно, и неверного), что в последнее время в мире стало больше жестокости. Это, конечно, всего лишь гипотеза, которую следует еще проверить. Мне кажется, нужно исследовать, не учим ли мы наших детей терпимости к проявлениям жестокости. Если да, то необходимо срочно предпринимать решительные меры, поскольку терпимость к жестокости, вне всякого сомнения, представляет собой угрозу цивилизации. И вообще, всегда ли мы правильно воспитываем детей, всегда ли готовы прийти к ним на помощь с необходимым советом? Это чрезвычайно важный вопрос, так как совершенно очевидно, что наши дети в раннем возрасте практически во всем зависят от нас и мы несем за них ничем не измеримую ответственность» [2. Т. 2. С. 488–489].

Практически все эти рекомендации носят характер благопожеланий и не только не устраняют дезинтессий триады «рынок – демократия – либерализм», отмеченных в предыдущей части статьи, но и способны усилить дезорганизующие тенденции, порождаемые этими дезинтессиями. Однако знакомство с ними (как и с воззрениями сторонников Ф. Фукуямы) позволяет уверенно констатировать *стремление* большой группы западных политических философов *свести комплексное социально-экономическое и политико-идеологическое взаимодействие двух организационных моделей* (условно называемых «демократией» и «тоталитаризмом») *к банальному противоборству надысторически-абсолютных категорий «Добра» («открытого общества») и «Зла» («врагов открытого общества»)*.

Если всё-таки отрешиться от этой в высшей степени метафизической картины сражения «светлых сил демократии» с «тёмными тоталитарными монстрами», перестать выдавать желаемое за действительное и исследовать реальные исторические факты, складывается принципиально иная картина.

Во-первых, авторитарные системы управления существуют уже как минимум четыре с половиной тысячи лет, не только устойчиво воспроизводя себя в условиях мира и стабильности, но и полностью восстанавливаясь после самых крупномасштабных катастроф – таких, как гражданские войны, смены династий и захват территорий более сильным противником. Более того, подобные деструктивные воздействия вовсе не приводят к свёртыванию авторитаризма и замене его другой системой управления, как это регулярно происходило с демократией при прекращении условий мира и стабильности. В отличие от демократии, и во время мира, и во время войны авторитарное государство работает практически в одном и том же «штатном режиме» (правда, в случае войны приходится тратить больше ресурсов на преодоление дезорганизующих воздействий извне).

Подтверждающими эту закономерность примерами буквально полна история человечества, начиная от смен династий в Древнем Египте и заканчивая восста-

новлением территориальной целостности Китая при коммунистах. Столь многократная воспроизводимость авторитарной модели сотрудничества указывает, как минимум, на достаточную жизнеспособность этой модели и явную неготовность человечества избавиться от неё. Кроме того, устойчивое воспроизведение авторитарной системы сотрудничества в разное историческое время (начиная от бронзового века и заканчивая эпохой «войн и революций») и в разных регионах планеты (начиная от долины Нила и заканчивая Мезоамериканским перешейком) наводит на мысль, что данная форма организации взаимодействия находится всё-таки ближе к «природе человека», чем демократические ценности, декларируемые в качестве «вечных».

Во-вторых, авторитарное политическое сотрудничество свободно от рассмотренных нами ранее дезинтессий представительной демократии. Прежде всего, нужно помнить, что приписываемая авторитаризму предельная обособленность власти от гражданского общества и обусловленный этим сугубо произвольный (волюнтаристский) характер управления – не более чем пропагандистские мифы эпохи Просвещения, многократно повторённые позднейшими комментаторами (в массе – приверженцами совсем не авторитарных, а как раз демократических ценностей). В действительности государственная власть при авторитаризме вовсе не является самодостаточной системой, полностью отделённой от общества и игнорирующей сигналы обратной связи, просто потому, что такая власть обречена на утрату контроля и скорую гибель. По этой причине гибкой системе демократических выборов (при которой любой красноречивый непрофессионал, приведя вверенную ему область управления к закономерному краху, всегда получает ещё один шанс войти во власть) авторитаризм закономерно противопоставляет предельно жёсткую форму отбраковки непрофессиональных управленцев (при которой *любая ошибка в принятии властных решений означает полное отстранение от власти* – ни больше, ни меньше).

В отношении этого принципа жёсткой обратной связи история авторитарных государств также позволяет найти немало примеров: в том же Древнем Китае наиболее существенной причиной периодической смены династий (как правило, через разорительную и кровопролитную гражданскую войну) становилось именно бездействие императора, «не изгонявшего недостойных и не возвышавшего достойных», и первым императором новой династии в такой ситуации становился именно тот, кто начинал, как правило, откровенно насильственными методами исправлять ситуацию, «искореня вредное и развивая полезное». Аналогичная по своей сути система действовала в других государствах докапиталистической эпохи, да и в наши дни устойчиво воспроизводится в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, где наиболее традиционной формой смены властвующих элит до сих пор являются не демократические выборы, а военные перевороты. Кроме

того, жёсткая обратная связь исключает безответственную словесную критику власти, характерную для любой формы демократической парламентской оппозиции: целесообразное предложение по решению обнаруженной проблемы незамедлительно превращается в практические действия власти, за результат которых персонально отвечает автор предложения; а велеречивое «сотрясение воздуха», не приносящее практических результатов, просто исключается из общественной жизни волевым решением властной элиты. Любая другая форма поведения элиты рано или поздно приводит к отстранению её от власти, что называется, «явочным порядком»: либо вследствие восстания подданных, жизненные проблемы которых элита в силу своей некомпетентности не способна решить, либо вследствие внешних враждебных воздействий, спровоцированных ослаблением государства, жизненные проблемы которого не решаются некомпетентной элитой.

Таким образом, авторитаризм предполагает: а) элиту действующую вместо элиты, красноречиво критикующей промахи соперников; б) невозможность элиты уклониться от ответственности за ошибочные властные решения. Подобный подход к организации власти исключает конкуренцию и потому воспринимается как недостаток авторитарной системы. Однако излюбленный аргумент сторонников демократии о «неизбежном вырождении авторитарного руководства» вследствие отсутствия конкуренции элит парадоксальным образом поворачивается в защиту авторитарной политической системы, если взглянуть на ситуацию с организационной точки зрения: многократно отмеченный в исторической и политологической литературе процесс деградации властных структур со сменой поколений руководителей обусловлен *не отсутствием, а напротив – наличием крайне интенсивной конкуренции* между лицами и группировками, борющимися за власть. Поскольку главной целью конкурентной борьбы является *устранение соперников абсолютно любыми способами*, то со сменой поколений наилучшие шансы занять руководящее положение получают вовсе не профессионалы-организаторы, а профессионалы-интриганы, воспринимающие власть *не как инструмент для управления общественной системой, а как конечную цель своей деятельности* и в силу этого малокомпетентные в действительной организаторской работе – все их силы и способности направлены исключительно на «подковёрную борьбу». Несколько циклов смены правящей элиты по такому алгоритму, изначально свойственному именно триаде «рынок – демократия – либерализм», как раз и обеспечивают «вырождение авторитарного руководства», так что критики авторитаризма, отмечая данную его особенность, просто приписывают этой организационной модели качества, ей по природе не свойственные: в основе авторитаризма, как отмечал Богданов в «Науке об общественном сознании» (1913), изначально лежал авторитет компетентного руководителя, достигнутый путем общественно полезной деятельности по организации совместной работы людей в пределах

общины, страны или предприятия; соответственно этому авторитарная власть устойчива лишь до тех пор, пока подтверждает своей деятельностью достигнутый авторитет среди управляемых людей [3. С. 57, 71–72, 79–81, 88–93; 4. С. 72].

С авторитарной системой сотрудничества также связана особая – регулируемая вне рыночная – хозяйственная система. Однако если и для сторонников Ф. Фукуямы, и для последователей К. Поппера термин «вне рыночный» является простым синонимом для понятий «неэффективный» и «плохой», то с организационной точки зрения здесь можно обнаружить отсутствие дезинтессий, характерных для рынка. Прежде всего, вне рыночный характер государственного регулирования хозяйственной деятельности существенно ослабляет все проявления конкуренции и, стало быть, «отключает» механизм «отрицательно-общественного подбора», ответственный за атомизацию общества и снижение качества рабочей силы. Конечно, это не значит, что регулируемая хозяйственная система является идеальной: её недостатки неоднократно критиковались приверженцами самых разных взглядов, которые были согласны примерно в следующем: вне рыночная система производства и распределения бюрократизирована и в силу этого консервативна; по этой главной причине она неизбежно ограничивает номенклатуру продукции определённым «стандартным набором» жизненных благ и не стремится к расширению ассортимента, медленно реагирует на колебания спроса, практически не занимается изучением рынков сбыта, не борется за потребителя, т.е. в конечном итоге не развивается так интенсивно и динамично, как производственная система, ориентированная на рынок.

Все эти критические выпады нейтрализуются единственным вопросом: *ради какой главной цели организуется абсолютно любое производство в любых социально-исторических условиях?* Соображения «рентабельности», «прибыльности», «конкурентоспособности» и прочих категорий современной рыночной экономики не могут считаться такой главной целью, во-первых, потому, что являются факторами, производными от чётко определённых социально-исторических условий «либерально-рыночного демократического капитализма» (здесь, кстати, не лишним будет вспомнить, что производство существовало *очень задолго* до возникновения механизмов рыночного обмена вообще и капиталистического рынка в частности), во-вторых, потому, что в ситуациях крупномасштабных социально-экономических катастроф (наподобие тех, которые происходили в XX в.) «рентабельность» и пр. вместе с обуславливающим их рыночным распределением отходили на задний план функционирования общественного хозяйства, но производство при любых потрясениях продолжало оставаться *основой хозяйственной жизни социума, а именно совокупностью средств и методов организованного жизнеобеспечения людей.*

При таком взгляде на производство утрачивает смысл та специфическая «прибылеориентирован-

ность», которая присуща рыночной экономике, поскольку для решения задачи жизнеобеспечения общества требуется совершенно другой набор условий:

а) *высококвалифицированная рабочая сила* с универсальной подготовкой, создающей возможности оперативной взаимозамены работников без ущерба для производственного процесса и, соответственно, для бесперебойного жизнеобеспечения; такие явления, как «конкуренция между работниками на рынке труда», принципиально исключаются, поскольку производственная система стремится к максимальному поглощению рабочей силы и её наиболее интенсивному использованию (иными словами, для «экономики жизнеобеспечения» просто нет «лишних» работников – в той или иной степени будет востребован любой, и значение имеет уже не стоимость, а только качество его труда);

б) *хозяйственная система*, которая обеспечивает каждого члена общества оптимальным объёмом жизненных благ с определённым избытком, покрывающим индивидуально обусловленные диспропорции в потреблении; критерием эффективности этой системы является не уровень прибыли (последний может в широких пределах меняться за счёт сугубо бухгалтерских манипуляций с отпускной ценой продукции, а также за счёт воздействия на психику потребителей с помощью рекламы), а *качество насыщения реальных жизненных потребностей людей*; именно такое насыщение обеспечивает подлинную социальную стабильность, исключая такую форму дезорганизации общественного хозяйства, как периодические «экономические кризисы»;

в) *распределительная система*, которая обеспечивает своевременное удовлетворение жизненных потребностей каждого в полном объёме; критерием эффективности этой системы является опять-таки не прибыль (нередко достигаемая в рыночных условиях за счёт сокращения или расширения предложения путём простого удержания товарной массы на складах или «выброса» в торговлю), а *уровень доступности базовых жизненных благ для рядовых граждан*.

При наличии перечисленных условий формируется устойчивая хозяйственная система, ориентированная на рост производства жизненных благ пропорционально демографическому приросту населения, развитию технологий производства, транспорта и связи. В основе такой ориентации лежит естественный механизм удовлетворения биологических и социальных потребностей человека: своевременное насыщение ослабляет их на определённое время, практически не порождая новых аналогичных (классический пример: на воздух и воду человек обращает внимание лишь тогда, когда их недостаточно для жизни или их качество снижается до неприемлемого уровня); так что при надлежащем качестве жизнеобеспечения индивид с сознанием, не деформированным рекламными манипуляциями, приобретает лишь те виды товаров и услуг, которые действительно необходимы ему для жизни в обществе. Объём товаров и услуг в авторитарных государствах с

внерыночной экономикой может быть и меньше, и больше, чем в рыночных демократиях. Этот параметр экономической системы определяется исключительно степенью развития производства и уровнем благосостояния страны, а не моделью организации общественного хозяйства: ведь к авторитарным внерыночным режимам относятся не только такие традиционно бедные страны, как Северная Корея или Иран, но и такие богатые государства, как Бахрейн и Саудовская Аравия; а в стане рыночных демократий сверхбогатые США соседствуют с такими скромными по уровню общественного благосостояния государствами, как Греция и Турция, не говоря уже о Грузии или Эстонии.

Третьим элементом в связке с политической властью и хозяйственной системой является идеология, фиксирующая закономерности политики и экономики в общественном сознании. Если для «рыночных демократий» такой идеологией является либерализм, то для «внерыночного авторитаризма» это будет принципиально иной мировоззренческий принцип, который А.А. Богданов называл «коллективизмом». Подобная идеология призвана нейтрализовать порождаемую авторитаризмом дезингессию между правящими и управляемыми группами: пока властвующие и подчинённые делают одно и то же дело и имеют одинаковое представление о целях и методах его выполнения, непонимание между этими группами исключено; более того, властвующие постоянно укрепляют свой авторитет благодаря многократному проявлению высокой компетентности в решаемых вопросах (соответственно, при обособлении групп они быстро становятся, по меткому выражению Ф. Лассалья, «взаимно идиотами» (цит. по: [5. С. 327]) – это и есть наиболее опасная из дезингессий авторитарного управления).

Ключевые принципы коллективизма несовместимы с либерализмом – не в последнюю очередь потому, что базируются на практических закономерностях социального взаимодействия, в соответствии с которыми «свобода» в традиционно-либеральном понимании вообще не может существовать в жизни человека и общества, поскольку любой акт сотрудничества людей неизбежно налагает на них определённые ограничения. В противовес такому расплывчатому принципу «свободы» (которую при отсутствии объективных критериев каждый волен трактовать по-своему, доводя иной раз до абсурда) коллективизм предлагает принцип *развития личности для служения обществу*: совершенствование имеющихся способностей человека, обретение новых знаний, умений и навыков – это свойства, поддающиеся объективной оценке, а в некоторых случаях даже количественному измерению.

Аналогичным образом, либеральные «права человека» в рамках идеологии коллективизма заменяются идеей *ответственности человека перед обществом*, которая исключает социальный паразитизм: лишь тот, кто своей деятельностью приносит обществу реальную пользу, имеет право на получение жизненных благ в

количестве, достаточном для жизнеобеспечения его самого и его близких, по разным причинам не способных к общественно-полезной деятельности; таким образом, за полученные блага каждый рассчитывается результатами своего труда, мерой которого является необходимость жизнеобеспечения. Конечно, такой подход к социальному взаимодействию противоречит моральным нормам современного «общества потребления» с его ориентацией на уровень личного богатства и престижное потребление, но, как показывает практика стран, не входящих в сферу западной культуры, воспитание ответственности перед обществом формирует более продуктивную личность: например, неслучайно на международных олимпиадах по физике и математике уже более 30 лет подряд призы достаются учащимся из Юго-Восточной Азии, ориентированным не на личные права, а на ответственность перед семьёй и государством.

Наконец, действительной альтернативой «общечеловеческим ценностям» либерального сознания становится *стратегия целесообразного сотрудничества*, в рамках которой каждый вовлечённый в социальное взаимодействие человек вносит свой трудовой вклад в общее дело, опираясь на свои способности и ответственность перед теми, кто оказал ему доверие и вступил во взаимодействие. Правда, авторитарная государственная власть нередко использует параллельно этой идеологии *сравнительную оценку социальной полезности разных видов труда*. Главными критериями такой оценки, как правило, служат влияние конкретного вида труда на систему жизнеобеспечения общества и степень сложности подготовки работника. Такой формально-бюрократический подход представляет собой идеологическое отражение авторитарной дезинтеграции между властвующими и подчинёнными и потому наиболее интенсивно проявляется в тех областях деятельности, которые наименее связаны с процессами непосредственного жизнеобеспечения и выполняют по отношению к этим процессам служебную функцию.

Повторим характеристики второй триады, характеризующей путь развития реального большинства стран мира:

1) хозяйственная система, ориентированная на жизнеобеспечение населения, формирует сбалансированное по отраслям производство и вне рыночную систему распределения, гарантирующую доступность основных жизненных благ каждому члену общества; общественное хозяйство в этой ситуации устойчиво развивается, наращивая производство вместе с ростом населения и внедрением более прогрессивных технологий (кроме прочего, это означает менее интенсивное воздействие на окружающую среду);

2) политическая система, основанная на принципах авторитарного управления, не перерастающего в деспотию или тоталитаризм, обеспечивает нормальный подбор управленческих кадров: к власти допускаются не мастера предвыборных обещаний, а квалифицированные профессионалы, воспринимающие власть не как средство обогащения, а как сложную и хорошо оплачиваемую работу; при высоком уровне професси-

онализма властвующих политические кризисы превращаются в экзотическое явление (профессионализм предполагает оперативную, адекватную и эффективную реакцию на сигналы обратной связи от управляемого населения; в этой ситуации никакие посредники вроде политической оппозиции просто не нужны);

3) идеология коллективизма, базирующаяся на идеях развития личности ради служения обществу, ответственности человека перед обществом и целесообразного сотрудничества, обеспечивает практическую организацию людей для совместной социально-полезной деятельности, причём не только в рамках государственных проектов, но и в повседневных делах; конфликты граждан с общественной и государственной системой в целом – большая редкость, а столкновения с отдельными представителями авторитарного государства не имеют крупномасштабных деструктивных последствий.

Эта триада демонстрирует устойчивость не только в «тепличных» условиях мира и стабильности, но и в ситуациях войн и катастроф. Более того, попытки дезорганизовать основанное на этой триаде общество путём непрямых внешних воздействий (наподобие пропаганды, агитации и даже интервенции) обречены на провал: реальное большинство населения страны попросту отвергает ту информацию, которая не соответствует его жизненному опыту и усвоенным идеологическим нормам, а нестойкое к внешним воздействиям меньшинство («оппозиция», «диссиденты» и т.п.), как правило, не обладает достаточной силой, чтобы на деле противостоять государственной власти. Наиболее показательным примером такой устойчивости могут служить события в Китае – ни массовые выступления на площади Тяньаньмэнь 27 апреля – 4 июня 1989 г., ни тибетские и уйгурские волнения 2008 г. не изменили течения жизни в стране, а количество пострадавших в каждом из названных инцидентов не превышало двух-трёх сотен при том, что население соответствующих регионов исчисляется десятками миллионов людей.

Конечно, триада «жизнеобеспечение – авторитаризм – коллективизм» не идеальна: сторонников демократических идей (не говоря уже о приверженцах либеральной идеологии) от неё оттолкнёт большой объём властных полномочий государства, а увлечённые потребителем образом жизни ужаснутся неизбежным ограничением потребления или даже полным отсутствием «брендовых» (т.е. знаково-символических) вещей при достаточном количестве обычных. Но в свете событий последних десятилетий подобные аспекты второй триады представляются не слишком высокой ценой за кризисоустойчивость и безопасность существования рядового гражданина.

4. Причины укрепления триады «рынок – либерализм – демократия» (к вопросу о случайных факторах исторического процесса)

И Фукуяма, и Поппер, и другие идеологи «неолиберальной» направленности утверждают, что укрепление

триады «рынок – либерализм – демократия» в современном мире является фактом исторически закономерным и неизбежным. Однако доказательства данного утверждения зачастую сводятся лишь к декларативным заявлениям о том, будто либерально-демократическому капитализму нет никакой реальной альтернативы. В частности, именно об этом у Ф. Фукуямы написана целая глава в книге «Конец Истории и Последний человек», где прямо сказано, в частности, следующее: «Тот факт, что... даже нерыночная экономика может добиться процветания, не должен отвлекать нас от более масштабной картины, возникающей в мировой истории. Число возможностей, из которых может выбирать страна, решая, как организовать себя политически и экономически, за последнее время *уменьшилось*. Из всех видов режимов, которые возникали в мировой истории, от монархий и аристократий до теократий, до фашистских и коммунистических режимов нашего столетия, до конца двадцатого века только одна форма дожила неизменной, и это – либеральная демократия» [1. С. 88–89]. Доказательств этого утверждения Фукуяма не приводит, заявляя только, что одни из недемократических форм почти исчезли, а другие себя дискредитировали.

Подобная аргументация является с исторической и организационной точек зрения беспомощной, поскольку простая количественная оценка сравнительной распространённости форм политического и экономического устройства позволяет увидеть, что как минимум две трети населения Земли придерживаются совсем другого образа жизни, основанного уже на триаде «жизнеобеспечение – авторитаризм – коллективизм». И такой результат получается, даже если по примеру Фукуямы и вопреки историческим реалиям считать «либерально-демократическим» государством Индию с её авторитарным кастовым строем, жёсткой вертикалью исполнительной власти и практически монополично правящей партией «Индийский национальный конгресс», оппозиционные силы которой, как правило, не могли удержаться у власти более двух лет; если же подойти к ситуации более объективно, то число приверженцев триады «рынок – демократия – либерализм» вряд ли превысит 15% от общей численности населения нашей планеты.

Возникает закономерный вопрос: *Почему организационная форма, характерная для явного меньшинства, стала в нашем мире доминирующей по экономическим, военно-силовым и культурно-идеологическим показателям?* Идеологи неоллиберализма и подобных ему философских доктрин безапелляционно заявляют: потому что именно эта организационная форма является наиболее прогрессивной, наиболее динамично развивающейся, предоставляет человеку наибольшую из возможных свобод – словом, эта форма доминирует просто потому, что она лучше любой другой. Доказательства этого утверждения по сути своей тавтологичны: раз либеральная демократия осталась к концу XX в. единственной неизменной формой социально-экономической и поли-

тической организации, то, стало быть, именно она является лучшей; а является лучшей она именно потому, что единственная осталась неизменной (см.: [1. С. 90–97]). Подобная «сказочка про белого бычка» очень эффективна при манипуляциях массовым сознанием, когда интенсивность внушения прямо пропорциональна частоте повторения внушаемых идеологических клише; однако для науки такой метод неприемлем.

Чтобы определить причины доминирования триады «рынок – демократия – либерализм», необходимо прежде всего установить время её формирования – кстати, очень недавнее по историческим меркам: о политической демократии и либерализме одним из первых заговорил английский философ Джон Локк в конце XVII столетия; в следующем веке шотландец Адам Смит поведал миру о «невидимой руке рынка», расставляющей всё по местам без государственного вмешательства, а французские просветители, британские парламентарии и западноевропейская торговая буржуазия приложили максимум усилий, чтобы претворить эти теоретические положения в работающие государственные законы и нормы социальной жизни. Таким образом, время появления триады как формы практической организации жизни общества следует отнести к рубежу XVIII и XIX вв., а территории её функционирования ограничить западноевропейскими и североамериканскими государствами, имеющими прямой выход в Атлантику. За пределами означенных государств (т.е. в колониях) триада «рынок – демократия – либерализм» не действовала: все ресурсы колоний, включая туземное население, рассматривались только в качестве объектов эксплуатации, приносившей метрополиям сверхдоходы – и никакие «права человека» и «личные свободы» на африканцев и азиатов просто не распространялись.

Однако уже в последней четверти XIX в. государства – носители триады, невзирая на свои обширные колониальные владения, утратили монопольное господство на мировых рынках и в политике: Британскую империю и Францию в Европе весьма существенно теснила Германия, а в Средней Азии неуклонно нарастало влияние России. Эти две новые империи опирались на организационную триаду «жизнеобеспечение – авторитаризм – коллективизм», причудливо сочетая её с отдельными аспектами рынка и либерализма. Столкновение конкурирующих государств вылилось в Первую мировую войну, из которой только два носителя либерально-рыночной триады – Великобритания и США – вышли неизменными, поскольку военные действия совершенно не коснулись их материально-производственного потенциала и в метрополии, и в колониях, чему виной была вовсе не особая устойчивость демократических государств, а сугубо географические причины: Англия и Америка не имели сухопутной границы со странами Тройственного союза, а Германия и Австро-Венгрия не обладали достаточными военно-морскими силами, чтобы нанести по-настоящему серьёзный урон англосаксам.

Вторая мировая война способствовала ещё более существенному материальному укреплению стран –

носительниц триады «рынок – демократия – либерализм», причём способствовал этому опять-таки географический фактор в виде отсутствия сухопутной границы между Британией и США, с одной стороны, и гитлеровской Германией – с другой. Такие континентальные носительницы триады, как Бельгия, Франция и Голландия, капитулировали перед вермахтом практически без сопротивления, что также способствовало сохранению их людского и промышленного потенциала, но при этом не лучшим образом охарактеризовало реальную способность основанных на триаде обществ противостоять агрессивным воздействиям извне.

Таким образом, период усиления либерально-рыночной триады охватывает всего около двух столетий, в течение которых конкурирующие организационные формы подверглись крупномасштабному деструктивному воздействию в виде двух мировых войн, тогда как носительницы триады в силу одного лишь своего географического положения оказались в основном за пределами этого катастрофического удара.

Если сравнить эти факты с историей триады «жизнеобеспечение – авторитаризм – коллективизм», насчитывающей не менее четырёх с половиной тысяч лет в самых разных географических условиях и успешно восстанавливавшейся даже после таких катастроф, как мировые войны, то придётся признать: *усиление триады «рынок – демократия – либерализм» явилось результатом сочетания случайных исторических факторов первой половины XX столетия*, а вовсе не следствием её собственных «прогрессивности» и «совершенства». Признав это, необходимо приступить к изучению действительных, а не декларативно-публицистических характеристик современного общества, исследованию подлинных аспектов его неравновесного состояния, выяснению условий и разработке методов повышения устойчивости социальной системы в кризисных ситуациях. Созданная А.А. Богдановым методология тектологического анализа способна послужить эффективным инструментом в решении этих задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ: Ермак, 2005. 588, [4] с.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. 479 с.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1–2. 448, 528 с.
4. Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 224 с.
5. Неизвестный Богданов : в 3 кн. Кн. 1 : А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. М. : ИЦ «АИРО-XX», 1995. 252 с.

Kupert Yury V., Lutsenko Anton V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «National Research Nuclear University MEPhI» (Seversk, Russian Federation). E-mail: dlida@iph.tsu.ru; fantom9@rambler.ru

IS IT A MAIN WAY OF MANKIND PROGRESS?

Key words: tectology; market; democracy; liberalism; life-support; authority; collectivism.

This article analyses the main characteristics of the modern western society based on organizational principles of market economy, political democracy and liberal ideology. Authors are using the tectological method of system analysis which was created by Alexander Bogdanov (1873–1928). Yu. Kupert and A. Lutsenko are establishing influence of these modern organizational principles on stability of social system and are proving that “profitly-oriented” economic system, institution of regularly re-elected professional politicians and the principle of borderless personal freedom are only destructive for modern society. Positions of K. Popper and F. Fukuyama who postulated “the liberal democracy” as main way of social evolution are criticized by Yu. Kupert and A. Lutsenko because the modern western philosophers, speaking about “single democratic form of social progress”, are using proveless sentences, but not historical facts. From the point of view of history it is necessary to recognise as main the other way of development of the society, existing some millennia and steadily reproduced by the different people in various natural and socio-cultural conditions. This social system is based on «life-support economy», the authoritative policy and ideology of a collectivism. Unlike the system of «market – democracy – liberalism», the system of «life-support – authoritarianism – the collectivism» covers more than 80% of the population of the Earth and get higher level of structural stability. As to the system of «market – democracy – liberalism» the main reason of its domination in the modern world, according to authors of article, is not «attraction of liberal democracy to the free person», declared by Popper and Fukuyama, but the casual combination of the geographical and sociohistorical factors which have developed in the XX-th century: the Anglo-Saxon states – the basic areas of the system of «market – democracy – liberalism» – exclusively because of their geographical position were isolated from destructive influence of world wars and only therefore have reached an ascendent position in post-war world-system.

REFERENCES

1. *Fukuyama F.* Konets istorii i posledniy chelovek. M. : AST: Ermak, 2005. 588, [4] s.
2. *Bogdanov A.A.* Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let. M. : Politizdat, 1990. 479 s.
3. *Popper K.* Otkrytoe obshchestvo i ego vragi : v 2 t. M. : Feniks, Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992. T. 1–2. 448, 528 s.
4. *Bogdanov A.A.* Nauka ob obshchestvennom soznanii. Kratkiy kurs ideologicheskoy nauki v voprosakh i otvetakh. M. : Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve, 1914. 224 s.
5. *Neizvestnyy Bogdanov* : v 3 kn. Kn. 1 : A.A. Bogdanov (Malinovskiy). Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya. 1901–1928. M. : ITs «AIRO-XX», 1995. 252 s.